

Студенческие переписи Казанского университета:

*особенности
восприятия
источника*

Исследуя реалии жизни Казанского университета конца XIX — начала XX вв., особое внимание обращаешь на уникальный источник студенческой повседневности — переписи. Именно их источниковедческие возможности позволяют взглянуть на студенчество с иной, не глянцево-академической стороны.

Историю студенческих статистических переписей ведут с 1872 г., когда политэконом, профессор Киевского университета Н. Х. Бунге провел первую перепись в этой области для выяснения экономического положения киевских студентов¹. Следует отметить, что до этого события статистика в основном использовалась на государственной службе. Например, ведомственная статистика занималась социальными проблемами, санитарная — изучала заболеваемость и смертность среди населения, земская — рассматривала крестьянские хозяйства и

т. д.² Может возникнуть предположение, что и новое направление в статистике — студенческое, явилось государственным заказом, однако нам это кажется маловероятным.

Во-первых, статистические исследования в студенческой среде проводились в университетах в разное время, что лишало государство, как заказчика, единовременного необходимого для определенных выводов результата.

Во-вторых, заполнение анкет было делом добровольным, студенты не отвечали на вопросы в принудительном порядке под присмотром. Так, к наиболее полному нами в единственном экземпляре опросному листу 1902 г., который состоит из 98 вопросов о студенческой жизни, даны следующие пояснения: «Дача ответов, разумеется, не обязательна, но они в высшей степени желательны и должны быть даны по возможности на все вопросы»³.

В-третьих, не существовало единой схемы проведения студенческих переписей и единого списка вопросов.

Скорее, возникновение переписей стало закономерным результатом развития высшей школы Российской империи того времени. С одной стороны этого процесса были преподаватели, лично заинтересованные в исследовании уровня студенческой жизни внутри университетской корпорации, налаживанием доверительных отношений со студентами. С другой — наиболее активные представители студенчества, желающие достоверно отобразить свою жизнь. Две указанных стороны оказались в условиях активного развития статистики конца XIX в. и антропологического поворота в социологии начала XX в. Добавим к этому характерную особенность университетской науки тех лет — ее глубокое проникновение в гущу социальных проблем⁴, и тезис о закономерности появления студенческих переписей будет выглядеть вполне реалистично.

Распространение переписей после создания такого «культурного прецедента» в свою очередь объясняется проявлением общеуниверситетского корпоративного духа, восприятием положительного опыта коллег. Об этом, к примеру, свидетельствует тот факт, что в 1910 г. приват-доцент А. Овчинников обратился с предложением в юридический факультет Казанского университета опубликовать статистические работы по студенчеству в счет сумм, ассигнуемых на практические занятия. В пример приводились Московский и Харьковский университеты, где подобные исследования к тому времени уже были изданы⁵.

Личность этого ученого интересует нас в контексте появления и изучения казанских студенческих переписей. С начала XX в. А. Овчинников начинает читать курс лекций по статистике, проводить практические занятия со студентами, результатом которых стали статистические материалы по студенчеству.

Речь идет о двух дипломных работах студентов юридического факультета Михаила Бельтюкова⁶ и Николая Астрова⁷. Оба анкетирования были проведены в 1907 г., но если первое касалось одежды и питания студентов Казанского университета, то второе исследовало студенчество юридического факультета в религиозном, научном, политическом и общекультурном отношениях. Заметим, что подобное анкетирование проводилось во всем Казанском университете.

Именно два дипломных сочинения по студенческим переписям Казанского университета известны специалистам и доступны сегодня. Однако по обнаруженным ведомостям об исполненных студентами работах у А. Овчинникова в 1911 г.⁸ мы можем дополнить картину проведения подобных исследований. Из 27 студентов, указанных как участники практических занятий, не менее 16 были привлечены к статистическим исследованиям по студенческой повседневности (об этом прямо говорится в ведомости). Этих 16 студентов можно условно разделить на две группы. К первой относятся те, кто участвовал в организации исследований быта студентов и обработке полученного материала (М. Кузнецов, В. Танаевский, С. Малинин и др.)⁹. Вторая группа выполняла отдельные работы по студенчеству на основе представленных анкетных данных, среди которых нужно отметить работы Н. Астрова, С. Бертина (работа по студенческим бюджетам), П. Осакина (жилищные условия казанских студентов), В. Арнштейна (расходы студентов Казанского университета)¹⁰.

Можно предположить, что к первой группе относились студенты младших курсов. Например, в упомянутом нами ранее анкетном листе указано, что программа вопросов составлена при участии юристов II курса¹¹. А анализировать собранные данные и представлять их, как нам кажется, могли студенты старших курсов, кото-

рые имеют большой теоретический и практический опыт.

В ведомости также указывались и студенты, которые проводили «вне-университетские» исследования. Например, М. Лебедев представил работу по крестьянскому населению Лаишевского уезда¹². Видимо, участие в тех или иных практических занятиях зависело, прежде всего, от личной заинтересованности студента.

Отметим также находку опросного листа под порядковым номером 696, состоящего из 98 вопросов по студенческой жизни. Обнаруженная анкета позволяет предположить, что в Казанском университете была проведена одна из первых материально-бытовых студенческих переписей в Российской империи. К виду материально-бытовых ее позволяют отнести вопросы, которые касаются экономической жизни студента и бытового благоустройства, например, сколько истратил респондент на одежду и обувь в первый год пребывания в университете, общий метраж квартиры и т. д. (вопросов подобного рода более половины). В то же время присутствуют вопросы и по академической жизни студента, например, посещение научных кружков, написание рефератов и т. д. Любопытным также представляется и тот факт, что к разработке данной анкеты был привлечен специалист по медицине, который занимался составлением вопросов, связанных с гигиеной студента. Отметим, что если подобная студенческая перепись была проведена в полном объеме, то она, в отличие от томской (1901 г. 31 вопрос в анкете) и харьковской (1909 г. 29 вопросов)¹³, была пространной.

Важным моментом в восприятии источника является его грамотное прочтение. В работах историков по Казанскому университету обычно использовались выборочные анкетные данные, которые служили вспомогательным материалом. Однако тут важно понимать, что цифра имеет лишь математический вид, создающий иллюзию на-

учного факта. Главное — не смешивать «конкретность» и «точность»¹⁴. В данных дипломных сочинениях речь идет о конкретных цифровых показателях, но насколько они точны, вопрос отдельного исследования.

Следует обратить внимание также на источники особенности переписей, которые формируют несколько информационных пластов для изучения.

Уже в самих вопросах содержится информация по студенческому быту, из которой исследователь может узнать места проживания студента, его рацион, основные компоненты гардероба.

Контраст затронутых в анкетировании тем, в которых присутствуют вопросы по политическим взглядам студентов, употреблению алкоголя, популярным писателям, половым сношениям, еде, болезням, гардеробе, формируют многоуровневое восприятие студенческой повседневности. В таком контексте равноправными для исследования становятся как политические взгляды студенчества, так и его отношения с противоположным полом.

Данные переписей также наглядно представляют уникальные факторы формирования духовного мира студента. Мы видим, из каких элементов складывается его внутренняя жизнь, как тесно переплетены такие явления, как религия, сословность, средняя школа — понятия, выходящие за рамки студенчества. И если религия со временем утрачивает свои позиции, то от сословия и особенностей средней школы во многом зависят перемещения молодого человека в образовательном пространстве, его политические взгляды, духовный мир.

Статистические данные позволяют подвести доказательную базу под формирование в среде студенчества тех или иных взглядов. Сложно ожидать реакционно-монархических взглядов от бедного казанского студента-разночинца, стыдящегося своей потрепанной одежды, перебивающего

ся случайными заработками и употребляющего вместо нормального обеда лишь чай. Редко встретишь и среди обеспеченных дворян представителей левых идей. Это легко объясняется с точки зрения нравственной статистики.

С помощью статистических данных можно изучать и мобильность различных социальных групп. Антуан Про в книге «Двенадцать уроков по истории» приводит в пример Кристофа Шарля, который в своей диссертации сравнивал административную элиту (государственных советников и т. д.), деловую элиту (банкиров и т. д.) и университетскую элиту (университетских профессоров) Франции конца XIX в. на основании нескольких критериев, не ограничиваясь одними доходами. Он, например, учитывал место, где проживала элита (на каких

улицах, в престижных ли кварталах), и место, где она обычно проводила отпуска¹⁵. В дипломных сочинениях помимо описания доходов, на себя обращает внимание сословная принадлежность студентов. Именно от нее зависит, куда пойдет учиться молодой человек: в гимназию или духовную академию, какое по объему будет у него жизненное пространство: ограничится ли оно деревней или городом, и каким образом он в дальнейшем интегрируется в университетское пространство.

Помимо статистических данных, содержания вопросов и ответов, большое значение имеют пояснения и размышления студента-дипломника на заданную тему. Благодаря такого рода субъективным вставкам мы получаем уникальную информацию об особенностях психологии студента того времени.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Иванов А. Е. Студенческая корпорация России конца XIX — начала XX века: опыт культурной и политической самоорганизации. — М., 2004. — С. 203.
2. Беляева Л. А. Эмпирическая социология в России и Восточной Европе. — М., 2004. — С. 35-40.
3. Личный архив Смирницкого Б. А. Анкетный лист // ОРРК НБЛ КГУ, ф. 5, ед. хр. 3.
4. Александров И. Н. Университетская научно-педагогическая школа в России (XIX — начало XX вв.) // ОРРК НБЛ КГУ, ед. хр. 9553, л. 7.
5. НА РТ, ф. 977, оп. ю/ф, д. 1228, л. 11.
6. Бельтюков М. Одежда студентов Казанского университета по данным анкеты 1907 года. Питание // ОРРК НБЛ КГУ, ед. хр. 6209.
7. Астров Н. Студенчество юридического факультета Императорского Казанского университета в религиозном, научном, политическом и общекультурном отношениях по анкете 1-го ноября 1907 года // ОРРК НБЛ КГУ, ед. хр. 7294.
8. НА РТ, ф. 977, оп. ю/ф, д. 1257.
9. Там же, л. 2-3.
10. Там же, л. 1-6.
11. Личный архив Смирницкого Б. А. Анкетный лист // ОРРК НБЛ КГУ, ф. 5, ед. хр. 3.
12. НА РТ, ф. 977, оп. ю/ф, д. 1257, л. 1.
13. Иванов А. Е. Указ. соч. — С. 220-223.
14. Про А. Двенадцать уроков по истории. — М., 2000. — С. 336.
15. Там же. — С. 217.

Никита Мингалев

